

Бендин Александр Юрьевич*, кандидат исторических наук, доцент кафедры богословия Института теологии имени св. Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета.

К вопросу о формировании этнической идентичности белорусов в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX вв.)

Включение в состав Российской империи белорусско-литовских земель, находившихся на её западных окраинах, на протяжении XIX – начала XX вв. сопровождалось сложной борьбой за установление политических, конфессиональных и этноязыковых границ. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения этих земель либо к Речи Посполитой, либо к Российской империи.

Представления о польской идентичности Литвы и Белоруссии, бытовавшие в то время, определялись не только их прежней принадлежностью к Речи Посполитой. Местная элита – дворянство, шляхта, католическое духовенство и интеллигенция – состояла в основном из поляков и ополяченных белорусов и литовцев. Её численность не превышала 6 % населения западных губерний, но польское меньшинство занимало при этом доминирующие позиции в Северо-Западном крае Российской империи¹.

Утратив в 1772–1795 гг. политическую власть над западнорусскими землями, помещики и часть шляхты, тем не менее, приобрели в Российской империи привилегированный статус дворянства, сохранив своё социально-экономическое, религиозное и культурное господство над белорусским и малороссийским (до 1861 г. крепостным) населением края².

Как отмечал известный российский славяновед В. Гильфердинг, "прямым следствием такого положения дел было то, что горсть "чужеземцев" и отчасти туземцев, перешедших в их лагерь, в течение большей половины текущего столетия с напряжённой энергией и успехом работала в русском крае во имя Польши и для Польши, работала во всех сферах

* bendin26256@yandex.ru.

¹ *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. // В. Г. Бабин // *Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.)* : Материалы науч.-теор. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. С. 199–200. По признанию министра внутренних дел И. Л. Горемыкина, "в первое время, по воссоединению края с Россией, правительство наше смотрело на западные губернии, как на польский край" (см.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 13).

² Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. второй / сост. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 295

его политической жизни: религиозной, учебной, административной, экономической и общественной. Польская среда пользовалась всеми преимуществами русского привилегированного сословия и в то же время враждебно относилась ко всему русскому³.

Следует отметить, что эта региональная польская элита считала себя "старым", или "дворянским", народом, который обладал тысячелетней традицией государственности, имел богатую историю, культуру и развитый литературный язык.

Римско-католическая церковь, имевшая в России правовой статус "терпимой", т.е. второстепенной в правовом отношении, традиционно воспринималась как польская, или "панская", вера⁴. Связь этой церкви с польской элитой придавала католичеству края особое, социально престижное положение. По своему высокому социальному статусу "терпимая" Римско-католическая церковь фактически выступала в роли господствующей по отношению к местному православию. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что, согласно законодательству Российской империи, правовым положением "первенствующей и господствующей" обладала только Русская православная церковь, к которой принадлежало подавляющее большинство белорусского крестьянства⁵. Но простонародный характер местного православия, имевшего низкий социокультурный статус, позволял польской шляхте и католическому клиру высокомерно рассматривать "господствующую" церковь не только как "схизму" (раскол), но и как веру "холопскую", "русскую".

Совокупность данных обстоятельств давала польской элите ощущение религиозно-культурного, социального и этнического превосходства над русскими вообще и белорусами в частности⁶.

Различия между доминирующим католическим меньшинством и крестьянским православным большинством носили сословный, конфессиональный, культурный и отчасти этнический характер. В результате в отношениях между ними имелись признаки *колониальной ситуации*. Определяющим моментом для такого вывода служит не отношение к средствам производства, конституирующее классы в индустриальном обществе, а отношение к знакам различий, конституирующим власть. Колониальная ситуация базируется на культурной дистанции между теми, кто обладает властью, и теми, кто подвергается эксплуатации. Нет культурной дистанции – нет колониальной эксплуатации. Эта дистанция маркируется разными средствами: расовыми, этническими, лингвистическими, религиозными, юридическими – одним словом, культурными⁷.

³ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. IV–V.

⁴ *Кашпелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / Андреас Кашпелер; пер. с нем. С. Червонной. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 177; *Миловидов А. И.* Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов. Вильна, 1900. С. 17.

⁵ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 1, ч. 1. Ст. 40.

⁶ Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. второй / сост. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 278.

⁷ *Эткинд А.* Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации / Александр Эткинд // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 108–112.

Существование культурной дистанции между господствующей польско-католической элитой и эксплуатируемым православно-белорусским большинством позволяет охарактеризовать Северо-Западный край до отмены крепостного права в 1861 г. как регион, имевший признаки *внутрироссийской польской колонии*. Это был особый тип колониального господства, созданный самим российским государством, при котором польско-католическая элита, не обладая политической властью, получила легальную возможность эксплуатировать белорусское православное большинство и держать "господствующее" православие на западных окраинах империи в "униженном" положении.

Особенность этой многослойной конфликтной ситуации заключалась также и в том, что часть доминировавшей в крае польско-католической элиты, не примирившаяся с утратой польской государственности, воспринимала российскую власть как политического врага, а своё положение оценивала в категориях национального угнетения⁸. Это и послужило мотивом для её участия в антироссийском восстании 1863 г., направленном на восстановление политической независимости Речи Посполитой в границах 1772 г., что, в свою очередь, предполагало отторжение Литвы и Белоруссии от России.

Противоборство, в котором столкнулись интересы российского правительства и православной церкви, с одной стороны, и интересы католической церкви и польского национального движения – с другой, после подавления польского восстания 1863 г. продолжилось в новых формах и в новых политических, социально-экономических и культурных условиях пореформенного развития. Задачей российского правительства в тот период стали меры по ослаблению позиций католической церкви, сужению сферы влияния польского языка и польской культуры в обществе, ограничению польского помещичьего землевладения⁹. Они являлись составной частью политики *системной русификации* Северо-Западного края, начатой виленским генерал-губернатором М. Н. Муравьёвым. Эта политика ставила своей целью упразднение социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством, которое участием в подавлении польского восстания доказало свою преданность российской монархии¹⁰.

Курс на русификацию края в той или иной степени затрагивал все этнические группы, населявшие Литву и Белоруссию – евреев, литовцев, латышей и др. Но только по отношению к доминировавшему польско-католическому меньшинству русификация рассматривалась как своего рода административно-правовая, экономическая, социальная, религиозная и культурная *реконкиста*, которая должна была повернуть вспять польско-католическую экспансию, достигшую своего пика к 1863 г. Её цель заключалась в том, чтобы "поднять, развить и укрепить бывший

⁸ Миловидов А. И. Указ. соч. С. 4.

⁹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А. А. Комзолова. М. : Наука, 2005. С. 338–341.

¹⁰ Восстание в Литве и Белоруссии (1863–1864 гг.). М. : Наука, 1965. С. 496–499; Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьёвское время) / А. Н. Мосолов. СПб., 1898. С. 8.

дотоле в угнетении православно-русский элемент и доставить неотъемлемо принадлежащее ему первенствующее значение в крае"¹¹.

В силу указанных причин начатая правительством в 60-е гг. XIX в. социально-экономическая модернизация, связанная с отменой крепостного права и развитием рыночных отношений в крестьянской среде, имела в Северо-Западном крае свои уникальные, отличительные черты. Их своеобразие проявлялось в том, что на процесс модернизации накладывались процессы *русификации* и *деколонизации* края.

Вызов польского сепаратизма был не только политическим, но и социально-экономическим, идеологическим и культурно-психологическим, иными словами – экспансионистским. Мобилизующий эффект этого вызова усиливался тем, что польское национальное движение выступало под католическими знамёнами, угрожая не только целостности Российской империи, но и существованию православия в Литве и Белоруссии. Память об унии, упразднённой в 1839 г., питала надежды местных польских сепаратистов заполучить поддержку воссоединённого с православием крестьянства.

Поэтому ответные действия губернатора М. Н. Муравьёва, который намерен был утвердить Северо-Западный край в составе Российской империи, были вполне адекватными. При этом основная ставка делалась на возвращение православию его исторически главенствующего положения и формирование русского самосознания православных белорусов, которые считались главной социальной опорой империи на её западных окраинах.

В то время для населения края преобладающими являлись идентичности религиозного и сословного характера, сохранялись также и многочисленные локальные этники (витебцы, могилёвцы, гомельцы, пинчуки, бужане, литвины, чернорусы, тутейшие и др.).

Можно сказать, что в дореформенный период у белорусов не было этнического самосознания как такового, имелись лишь его элементы, связанные прежде всего с региональной и конфессиональной принадлежностью. К этому объективному выводу пришли сами национально ангажированные белорусские исследователи – авторы "Энцыклапедыі гісторыі Беларусі", которые заявили, что в то время "самоназвание белоруса ещё не имело общеэтнического и собственно национального содержания и осознавалось как топоним". Впрочем, это не мешает им одновременно утверждать и то, что к середине XIX в. белорусы являлись "самостоятельным этносом"¹². Их не смущает возникающее при этом противоречие, очевидное с точки зрения современной этнологии, которая утверждает, что "лишь наличие этнического самосознания с определённой ясностью говорит о существовании этнической общности"¹³.

Принимая во внимание вышесказанное, нужно особо подчеркнуть, что именно М. Н. Муравьёв впервые заявил в категориях своей эпохи

¹¹ *Корнилов И. П.* Общие замечания к отчёту о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год / И. П. Корнилов. Вильна, 1865. С. 3.

¹² *Церашковіч П. В., Чаквін І. У.* Беларусы / П. В. Церашковіч, І. У. Чаквін // Энцыклапедыя Гісторыі Беларусі. Минск : БелЭн, 1993. Т. 1. С. 471–472.

¹³ *Коротеева В. В.* Этнические символы и символическая природа этничности: концепции Дж. Армстронга, Э. Смита и Э. Хобсбаума / В. В. Коротеева // Ценности и символы национального самосознания в условиях современного общества. М. : ИЭА РАН, 1994. С. 45.

о необходимости формирования русского этнического самосознания в белорусской крестьянской среде как актуальной политической задаче российского правительства¹⁴.

Реформы М. Н. Муравьёва тесно увязывали процесс формирования русской этничности с усилением позиций православия в крае и пресечением "латинопольской пропаганды"¹⁵, поскольку решающую роль в самоидентификации жителей Северо-Западного края играл конфессиональный фактор. М. Н. Муравьёв разработал систему мер, которые в совокупности можно определить как программу социально-экономической, культурной и этнической модернизации белорусского крестьянства. Принципиальная новизна его политики заключалась в том, что русская историческая традиция и национальная идеология, знанием которых он руководствовался, *впервые* стали идейным основанием для активного проведения модернизационных реформ, продолживших дело 1861 г. в Северо-Западном крае. Этническая модернизация белорусов должна была опережать модернизацию социальную.

Содержание этой "системы" свидетельствовало о том, что имперская политика радикально изменила свои приоритеты на этой территории. Прежние политико-стратегические задачи сохранения российского господства, реализация которых допускала компромиссы с польскими землевладельцами и Римско-католической церковью на основе сословной солидарности и принципов имперской веротерпимости, приобретали новое социально-этническое и конфессиональное измерение. Выбор, сделанный в пользу защиты интересов крестьянства и Русской православной церкви, определил новый вектор политики России в отношении её западных окраин – ускорение процессов интеграции с центральными губерниями¹⁶.

Указанные меры должны были служить практическим подтверждением решения Западного комитета 1864 г. о том, что "Северо-Западный край является русским, составляющим древнее достояние России"¹⁷.

Политический курс М. Н. Муравьёва, его ближайших последователей и соратников, реализовавших решения Западного комитета, вызвал подъём религиозного и этнического самосознания народа, который вошёл в историю Белоруссии как *западнорусское возрождение* 60-х гг. XIX в.¹⁸ Имя М. Н. Муравьёва стало одним из важнейших идейно-политических символов для формирующейся западнорусской идеологии. Практическим результатом введённой им "системы" управления краем стало изменение отмеченных выше отношений, парадоксальных с точки зрения русского права, русских исторических традиций, нравственной, религиозной

¹⁴ См. об этом: Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьёв-Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. / А. Ю. Бендин // Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск : Экономпресс, 2006. С. 53–77.

¹⁵ Миловидов А. И. Заслуги графа Муравьёва для Православной церкви в Северо-Западном крае / А. И. Миловидов. Харьков, 1900. С. 2–4.

¹⁶ Политические записки графа М. Н. Муравьёва // Русский архив. 1886. № 6. С. 186–199; Граф М. Н. Муравьёв. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нём польского мятежа 1863–1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; Всеподданнейший отчёт графа М. Н. Муравьёва по управлению Северо-Западным краем // Русская старина. 1902. № 6. С. 487–510.

¹⁷ Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.

¹⁸ Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьёва... С. 67.

и политической ответственности российского государства перед белорусским народом¹⁹.

Что же касается политической практики, то курс на западнорусское возрождение означал защиту социально-экономических интересов крестьянства; укрепление религиозных, социальных и культурных позиций православия; уменьшение влияния католической церкви и развитие народного просвещения. Этнокультурный аспект западнорусского возрождения заключался в теоретической разработке представлений о белорусах как о "русской народности". Эта политика была созвучна настроениям, преобладавшим в российском образованном обществе, и стимулировала пробуждение русского национального самосознания²⁰.

Как сказал В. Гильфердинг, "разве мы теперь не платим, в настоящее время, за вину тех поколений, которые, презрев русскую народность в Западной Руси, оставили её под ногами польской шляхты и тем питали притязания поляков на возвращение "забранного края"...

Подавление вооружённого восстания есть только, и самое лёгкое, начало дела, дело будет, собственно, впереди, дело возвращения русской народности в Западной Руси того значения, которое ей принадлежит по праву. Дело это потребует постоянного участия всего русского общества в дружном содействии правительству. Оно потребует не столько действий *против* польского элемента, сколько действий в *пользу* русского народа²¹.

Одним из важных условий, необходимых для преодоления культурных различий, придававших отношениям местной дворянско-шляхетской элиты и крестьянского большинства черты колониальной эксплуатации, стали правительственные меры по ограничению доминирующего положения польской культуры с её высокоразвитым литературным языком. Для этого народное образование (светское и церковное) строилось на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял белорусского наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, т.е. выступал инструментом этнической и социальной модернизации белорусского населения. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской православной церкви²².

Правительство разрешило издавать литературу на белорусском языке, но использовать при этом кириллицу, а не латиницу, чтобы не допустить "полонизации" белорусского языка и отрыва его от русского языка и русской культуры.

¹⁹ Политические записки графа М. Н. Муравьёва // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–188.

²⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. 2-е изд., испр. / Б. Н. Миронов. СПб. : Дм. Буланин, 1999. Т. 1. С. 37.

²¹ Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 34–35.

²² Корнилов И. П. Общие замечания к отчёту о состоянии народных училищ Виленского учебного округа за 1864 г. / И. П. Корнилов. Вильна, 1865. С. 51–57.

В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два главных проекта этнического строительства – русский и польский, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только русский. Он изучался и распространялся не только как государственный, но и как социально престижный язык развитой дворянской культуры²³.

Наряду с Русской православной церковью важную роль в формировании этнического самосознания белорусов начали играть учреждения Виленского учебного округа, деятельность которого охватывала Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, Витебскую, Минскую и Могилёвскую губернии Северо-Западного края. К середине 60-х гг. по инициативе М. Н. Муравьёва и попечителя Виленского учебного округа И. П. Корнилова вся система народного образования в крае была коренным образом перестроена. Русский язык в качестве языка преподавания стал господствующим на всех ступенях школьного обучения, а польский был полностью устранён из школы, даже как предмет изучения. Более того, с этого времени обязательным языком преподавания ксёндзами-законоучителями католического Закона Божьего стал русский²⁴.

Первые итоги перемен, произошедших в общественном сознании крестьянства под влиянием новых политических и лингвистических реалий, подвёл И. П. Корнилов: "Русская пропаганда, действующая через школы, церкви, администрацию, делает своё дело; она возбуждает в массах ясное сознание и убеждение, что здешний край – исконно русский, что здесь колыбель русского государства и Православия, что если губернии около Москвы называются Великой Россией, то здешние губернии имеют полное право называться первоначальной древнею Россией... Поэтому все меры, клонящиеся к восстановлению древнего Православия, к восстановлению в народе сознания о его русском происхождении и коренном Православии, конечно, сильнее, прочнее и действительнее всяких мер, полицейских и военных... Белорус мало-помалу перестаёт быть быдлом, работающим безответно на пана и жида. Русский язык и русская вера перестают называться холопскими; русского языка не стыдятся как прежде, а польским не щеголяют. Русское образование сильнее русского штыка"²⁵.

Следует отметить, что понятие "русский", бытовавшее в то время, не являлось этнонимом в его современном значении. Оно имело двойной смысл – этнический и конфессиональный. Принадлежность к православии означала включение этнического самосознания (идентичности) белорусов в более широкую категорию самосознания русского. Согласно традиционным представлениям, существовавшим до первой советской переписи населения 1926 г., все православные "народности" – малороссы, великороссы и белорусы – считались русскими. Специалистам известен

²³ Сборник статей, разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. второй / сост. С. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447; *Сталюнас Д.* Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период Великих реформ / Дариус Сталюнас // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 261–292.

²⁴ Свод Законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1893. Ст. 3549.

²⁵ *Корнилов И. П.* Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьёвскую эпоху / И. П. Корнилов. 2-е изд. Вып. первый. СПб., 1908. С. 218–219, 280–281.

факт, что "...те, кто сегодня называются русскими, в те времена назывались великороссами, украинцы в свою очередь назывались малороссами, а вместе с белорусами они считались русскими. Но русскими могли считать или считали себя также представители других национальностей и вероисповеданий, в случае если они принимали или были от рождения православными"²⁶.

"Русский народ, – отмечал М. О. Коялович, – состоит из трёх племён: великорусского, малорусского и белорусского. Это факт русской жизни; давно он существует и, без сомнения, впредь будет существовать, пока в России будет простой народ"²⁷. Поэтому понятия "русский", "западнорусский", "белорус", употребляемые в светских и церковных официальных документах, а также в периодической печати Северо-Западного края второй половины XIX – начала XX вв., не исключали друг друга, а наоборот, являлись синонимами.

В Российской империи при государственных переписях население разбивалось на группы по религиозному и языковому принципам. При распределении населения по "народностям" за основание принимался родной язык. Из религиозно-этнической общности русских белорусы выделялись как "народность" с помощью государственных процедур – переписей населения. В этом случае вероисповедный критерий отходил на второй план, а православные и католики составляли единую народность – белорусов – на основе общего языка. На этом основании правительство идентифицировало католиков, говорящих на белорусском языке, как белорусов, принадлежавших к этнической общности русских. Этой точки зрения придерживалась и Русская православная церковь, видя в католиках-белорусах, отпавших от православия, представителей русского племени²⁸.

В регионе шёл процесс интеграции этнически родственных белорусов в религиозно-этническую общность русских. Этот процесс протекал на основе либо общих конфессиональных и культурных ценностей, как это было в случае с православными белорусами, либо на основе ценностей политико-культурных, как в случае с белорусами-католиками. В иерархии идентичностей два уровня этнического сознания, белорусский и русский, не исключали друг друга, а составляли множественность, включающую в себя всё более высокие уровни. В этом случае самоидентификация осуществлялась через осознаваемую отличность как один из элементов множественной идентичности²⁹. В случае с белорусами, проживавшими в Северо-Западном крае Российской империи, эта иерархия идентичностей выстраивалась по принципу "я – белорус, значит, я – русский".

В результате политики русификации русское самосознание белорусов вовсе не приобретало иноэтнического содержания, как это зачастую

²⁶ Тишков В. И русский, и российский / Валерий Тишков // Российская нация : интернет-сайт. URL: <http://www.rosnation.ru/index.php?D=38&goto=32>.

²⁷ Коялович М. О. Поездка в Западную Россию / М. О. Коялович // Церковный вестник. 1886. № 49. С. 788.

²⁸ Бабин В. Г. Указ. соч. С. 209.

²⁹ Тишков В. И русский, и российский; Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. М. : Наука, 2003. С. 114–115.

происходило в результате католического влияния и связанного с ним влияния польской культуры. По мысли известного русского лингвиста Н. С. Трубецкого, в силу изначально высокой этноязыковой однородности восточнославянского культурного пространства это русское самосознание включалось в совместные цивилизационные усилия великороссов, малороссов и белорусов по созданию "высокой" русской культуры³⁰.

Осуществляя политику системной русификации края, государство с разной степенью интенсивности и последовательности конструировало ответы на польско-католические вызовы в экономике, религиозно-этнической и социокультурной областях. Опираясь на местные исторические традиции русского самосознания, оно с помощью системы образования, Русской православной церкви и других социальных институтов формировало этническую идентификацию белорусов как оппозицию идентичности польской.

И. П. Корнилов отмечал: "Русский элемент не есть здесь нечто чуждое, водворяемое силой извне, он здесь свой, родной, и каждая мера правительства, направленная к восстановлению его законных исторических прав, потому-то и принимается в крае сочувственно и сопровождается быстрыми успехами, что она пробуждает к жизни начало родное, всем близкое, кровное; край возвращается ныне к своему русскому источнику, к своей естественной исторической форме; система же нынешнего управления [*созданная М. Н. Муравьевым*. – **Прим. авт.**] есть не что иное, как освобождение русского народа от долговременного и тяжёлого латино-польского гнёта"³¹.

Этот процесс, инициированный правительственной политикой этнической модернизации, потребовал создания системы государственных и церковно-приходских школ, православных братств, светских и церковных печатных изданий и, наконец, культурно-религиозной работы местного православного духовенства и интеллигенции, выступавших в качестве русских этнических активистов³². С содержательной точки зрения важную роль в формировании этнического самосознания белорусов сыграла исследовательская и просветительская деятельность этнографов, историков и краеведов – Е. Романова, П. Штейна, И. Носовича, М. Дмитриева, Е. Карского, М. Кояловича, А. Миловидова, Г. Киприановича и др.

В конце 60-х гг. XIX в. процесс западнорусского возрождения, инициированный М. Н. Муравьевым, в результате деятельности новых генерал-губернаторов А. Л. Потапова и П. П. Альбединского утратил свою динамичность. Как отмечал А. Миловидов, "при Потапове и его ближайших двух преемниках в Северо-Западном крае царил тишина, текла однообразная бесцветная канцелярская жизнь, была заглушена всякая идейная патриотическая деятельность и администрация смотрела

³⁰ Шевченко К. В. Исторический поиск Беларуси. Альманах / К. В. Шевченко // Русский сборник. Исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов и др. Т. V. М. : Модест Колеров, 2008. С. 328–329. Рец. на кн.: Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006.

³¹ Корнилов И. П. Общие замечания к отчёту о состоянии Виленского учебного округа за 1864 год. С. 4.

³² Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве / Киприанович Г. Я. Минск : Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. С. 323–333.

подозрительно на всякое стремление к внешкольному просвещению народа. Национальная политика императора Александра III, его первые распоряжения, давшие перевес и новую силу русским началам в вопросе школьном, землевладельческом и вероисповедном, внесла подъём духа и оживление в среду русских деятелей Северо-Западного края³³.

В свою очередь католическое духовенство, за отдельными исключениями, предпочитало рассматривать свою белорусскую, малороссийскую и частично литовскую паству как польскую или, если воспользоваться удачным термином Д. Сталюнаса, "потенциально" польскую. Настаивая на польской идентичности своей непольской паствы, католическое духовенство влияло на этническое самосознание не только своих прихожан, но и своих конфессиональных соперников – православных. Польская идентичность католических прихожан противопоставлялась идентичности православных белорусов, которые воспринимались католиками как русские. И наоборот, католики-белорусы воспринимались православными как поляки. В повседневной жизни при определении этнической принадлежности низших сословий, прежде всего крестьян-белорусов, критерием служила конфессиональная принадлежность.

В народной среде католики считались поляками (или по крайней мере "потенциальными поляками"), а православные – русскими, ("потенциальными русскими")³⁴. Самосознание этнических белорусов-католиков, которое на протяжении десятилетий формировалось польскоязычным костёлом, выражалось простой формулой: "я – католик, значит, я – поляк"³⁵.

Интересы местного католицизма, поддерживаемого Римской курией в его последовательном и настойчивом отстаивании своей польской идентичности, и политика русификации поляков и белорусов-католиков, осуществлявшаяся российским правительством, находились в постоянном противоречии³⁶. Иногда эти противоречия перерастали в длительные конфликты между российским государством и Римско-католической церковью. Эта "терпимая" в империи церковь, интернациональная по своей природе, в России имела национальный (польский) характер, и правительство видело в ней главного виновника колонизации белорусов и малороссов³⁷.

В этом противоборстве правительство, ограниченное в своих действиях законодательством о веротерпимости, оказывалось порой в весьма затруднительном положении. Так, попытка ввести в дополнительное католическое богослужение вместо польского языка русский, предпринятая указом от 25 декабря 1869 г., встретила решительное сопротивление иерархии, духовенства, паствы и самой Римской курии³⁸.

³³ Миловидов А. И. Русский календарь в Северо-Западном крае, его история и значение / А. И. Миловидов. Вильна, 1908. С. 10.

³⁴ Сталюнас Д. Указ. соч. С. 279.

³⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 21.

³⁶ Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. первый / сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 325.

³⁷ Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 3107. Л. 22.

³⁸ См. об этом: Бендин А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. Минск : БГУ, 2010. С. 74–128.

Упорство, с которым Римско-католическая церковь, опираясь на дворянство и шляхту, защищала польский язык в костёле, отвергая языки местные – русский, белорусский и литовский, приводило к появлению католических приходов с разной степенью "польскости". Более отчётливо эта "польскость" проявлялась в Виленской, Гродненской и Минской губерниях, менее отчётливо – в Могилёвской и Витебской. Польский язык в дополнительном богослужении католической церкви становился инструментом этнической мобилизации прихожан. Сплочение приходов происходило не только на религиозной, но и на формируемой духовенством, дворянством и шляхтой польской культурной традиции.

Тем самым полонизируемое католическое население переживало процесс не только религиозного, но и этнического обособления от своих этнически родственных православных соседей – белорусов и малороссов. Католическое духовенство и светские этнические активисты, противодействуя растущему влиянию православия и русской культуры, стремились к тому, чтобы белорусская паства идентифицировала себя по принципу "я – католик, значит, я – поляк". Аналогичные процессы полонизации происходили и среди литовцев³⁹.

Не удивительно, что инициированный М. Н. Муравьёвым процесс системной русификации края столкнулся с рядом серьёзных препятствий. Так, отсутствие правовых условий для легального изучения польского языка, использовавшегося в костёлах для проповедей, совершения святых таинств, чтения молитв и понимания основного латинского богослужения (богословская сущность которого разъяснялась по-польски), неизбежно создавало потребность в тайном начальном обучении польскому языку. Создание нелегальных школ становилось формой борьбы за сохранение польской идентичности белорусов-католиков⁴⁰.

Изданный 17 апреля 1905 г. Указ о веротерпимости внёс известные правовые перемены в положение как "господствующего" православия, так и "терпимого" католичества⁴¹. Он впервые предоставил Римско-католической церкви право принимать в свои члены представителей "господствующей" православной. Это обстоятельство позволило ей увеличить число своих прихожан за счёт православных. К 1911 г. в Литве и Белоруссии свыше 55 тыс. человек присоединились к католичеству⁴². Несколько позже, 26 декабря 1905 г., были приняты законы, которые содействовали развитию правового статуса Римско-католической церкви в рамках законодательства Российской империи⁴³.

Издание Манифеста "Об усовершенствовании государственного порядка" от 17 октября 1905 г. увеличило число факторов, влиявших на формирование этнического самосознания белорусов. Введение политических свобод и народного представительства в Государственной думе

³⁹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 411. Л. 19–27; Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 12; Архив внешней политики Российской империи. Ф. Ватикан. Оп. 890. Д. 22. Л. 33, 203; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 1913. Д. 131. Л. 9, 28 б.

⁴⁰ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1922. Л. 12.

⁴¹ Законодательные акты переходного времени: 1904–1908 гг. / под. ред. Н. И. Лазаревского. 3-е изд., пересмотр. и доп. по 1 сентября 1908 г. СПб.: Право, 1909. С. 34–38.

⁴² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

⁴³ Законодательные акты переходного времени: 1904–1908 гг. С. 219–228.

придали этому процессу новые масштабы и динамизм. Наряду с системными, государственными и церковными факторами в религиозной и светской среде начали действовать факторы общественно-политического характера. Например, для католиков такими факторами стали создание клерикальной Конституционно-католической партии Литвы и Белоруссии во главе с римско-католическим епископом Эдуардом фон Роппом⁴⁴. Были организованы польские культурные общества, вышли из подполья и начали легально действовать католические братства при костёлах. Начала издаваться независимая польская пресса, например "Kuryer Litewski" и др.

Однако религиозный фактор не только не утратил своего решающего значения в процессах формирования этничности белорусов, но приобрёл новые правовые и институциональные возможности. Предпринятая правительством модернизация религиозного законодательства расширила права "терпимой" католической церкви в её противостоянии с православием, включая и область этнических предпочтений. Так, п. 14 указа о веротерпимости предоставлял право преподавать католический Закон Божий на "природном" языке учащихся – белорусском, русском, литовском, польском и др.⁴⁵ В результате ареной борьбы за этничность стали учебные заведения Виленского учебного округа.

В процессе правоприменения этого пункта указа возник конфликт между Министерством народного просвещения и католической иерархией, которая настаивала, что "природным" языком следует считать язык молитвы и дополнительного богослужения, а значит, учащиеся-католики, белорусы и малороссы, должны изучать Закон Божий только на польском. В свою очередь, Министерство народного просвещения рассматривало этот вопрос со светской точки зрения и правомерно понимало под "природным" языком учащихся язык семейного общения, тем более что понимаемый таким образом критерий "природности" уже применялся при государственных переписях населения. А значит, для католиков-белорусов языками преподавания Закона Божьего могли быть только русский или белорусский⁴⁶.

Римско-католическое духовенство, настаивая на том, что "все католики, как поляки, должны учиться по-польски и в польских школах, а не в московских"⁴⁷, прибегало к различным мерам бойкота, запрещая родителям отправлять детей в государственные школы. Поддерживаемое ксёндзами движение за то, чтобы ученики-католики и их родители, говорившие на белорусском, малороссийском или русском языках, требовали у руководства народных училищ считать их поляками, появилось из-за распространявшихся слухов будто бы учащихся, записавшихся белорусами или малороссами, переведут в православие. Эта лживая пропаганда

⁴⁴ *Забайскі М. М.* Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забайскі. Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. С. 22–25.

⁴⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 18–20; Законодательные акты переходного времени: 1904–1908 гг. С. 34–38; Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 год. Вильна, 1906. С. 122–123.

⁴⁶ ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6384. Л. 145; Там же. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6385. Л. 52; Там же. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 93.

⁴⁷ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 174. Л. 3.

имела успех. "Теперь – по отзывам западнорусской прессы – можно быть уверенным, что на всём пространстве Белоруссии белорус-католик из опасения быть насильственно причисленным к православию русским себя не назовёт"⁴⁸.

В связи с указанным обстоятельством провозглашённые указом 17 апреля 1905 г. религиозные свободы не только не уменьшили, но в некоторых случаях усилили противостояние между российским государством и Римско-католической церковью в вопросе об этничности белорусского населения. Попытка правительства сдержать нарастающие процессы колонизации белорусов и на этот раз встретили сопротивление не только иерархов, духовенства и мирян, но и Римской курии⁴⁹. Меры по сохранению русской идентичности белорусов-католиков, предпринимавшиеся Министерством внутренних дел в новых правовых условиях, вновь обострили противоречия между государством и католическим духовенством.

Правительство, стремясь найти выход из сложившейся ситуации, провело в апреле 1914 г. совещание представителей Министерства внутренних дел и губернаторов Северо-Западного края, на котором были разработаны меры по борьбе с колонизацией белорусского населения⁵⁰. Однако начавшаяся вскоре Первая мировая война заставила свернуть эту работу.

В конечном итоге в длительном противостоянии с российским государством и православием Римско-католическая церковь смогла, с известными исключениями, отстоять польскую, или "потенциально" польскую, идентичность своей белорусской паствы. Если польско-католический проект конструирования этничности и можно назвать относительно успешным, то скорее с конфессиональной, а не сугубо этнической точки зрения, так как большинство католиков по-прежнему называли родным языком белорусский или малороссийский⁵¹.

В самосознание католиков-белорусов представления об этнической общности с православными и о русском единстве привносились поверх конфессиональной границы – государственной школой, государственным русским языком, процедурой переписей, различными формами социальных и культурных коммуникаций. Но, несмотря на культурно-образовательные усилия государства, конфессиональная идентичность католиков по-прежнему определяла идентичность этническую. "Местное римско-католическое белорусское и отчасти литовское население, получившее римско-католическую веру из Польши, называет свою веру чаще просто *польской*, чем католической, и по *польской вере* называет себя поляками"⁵².

В сложном многофакторном процессе формирования этнического самосознания белорусов польско-католическая составляющая не содержала представлений об этнической общности католиков и православных, т.е. принадлежности первых к белорусскому народу. Поэтому в этническом смысле определённая успешность католического проекта шла

⁴⁸ Жалобы и притязания поляков // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 12. С. 263.

⁴⁹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 1 об.

⁵⁰ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 1–3, 61–71 об.

⁵¹ Виленский календарь на 1907 г. Вильна, 1906. С. 100–101.

⁵² Жалобы и притязания поляков // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 12. С. 263.

вразрез с целями польского духовенства. Речь идёт о появлении белорусского этнического национализма, приверженцы которого были убеждены в существовании самостоятельного белорусского народа со своей особой исторической судьбой, отличным от русских (великороссов и малороссов) и поляков. Преодоление конфессионального раскола белорусского народа националисты усматривали в восстановлении унии, деятельность которой была в то время официально запрещена⁵³.

Возникший под влиянием польского и украинского национализма в среде левой католической интеллигенции "белорусский сепаратизм" представлял собой явление сугубо маргинальное, притом не столько политическое, сколько культурное. Сторонники этнического национализма, группировавшиеся вокруг газеты "Наша ніва", по их собственному признанию, не пользовались поддержкой в крестьянской среде. Газета распространялась только в части уездов Виленской, Гродненской и Минской губерний, в регионах, где численно преобладали католики. Самую же сильную поддержку белорусский этнический национализм получил на Виленщине и Белосточчине (районах не только католических, но и сильно ополяченных)⁵⁴.

Идеология, искусственно выделявшая белорусский народ в особую общность, существующую вне традиций общерусской истории и русского единства, предлагавшая создавать этническое единство на почве унии, была враждебна православной интеллигенции, духовенству и массе крестьянства. Поэтому идеи "отщепления от общерусского ствола его белорусской ветви" не привели на практике к появлению в Белоруссии белорусского этнического национализма как *общественного движения*⁵⁵.

Иначе обстояло дело с государственно-православным проектом этнического строительства. Во-первых, православная паства составляла абсолютное большинство населения Белоруссии. Во-вторых, эта часть населения была многолетним объектом целенаправленной этнической модернизации, ставившей своей целью формирование представления об этнической общности белорусов – православных и католиков, с одной стороны, и принадлежности белорусов к более широкой общности русских (великороссов, малороссов и белорусов) – с другой.

В-третьих, политика М. Н. Муравьёва, направленная на системную русификацию и деколонизацию края, несмотря на ряд социальных издержек и непоследовательность действий администрации, оказалась эффективной в своих главных направлениях: Северо-Западный край окончательно вошёл в состав Российской империи; были созданы институциональные основы, позволявшие использовать возможности аппарата управления, системы просвещения и науки для формирования русского

⁵³ В ожидании новой опасности // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 6. С. 102–104

⁵⁴ Гронский А. Влияние белорусской пропаганды на местное население в начале XX в. / Александр Гронский // Западная Русь : Науч.-просветит. интернет-издание. 2011. 29 апреля. URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/329-2011-04-29-12-05-59.html>.

⁵⁵ Консультант. На пороге Нового года // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 1–2. С. 7; Радзiк Р. Прычыны слабасцi нацыятворчага працэсу беларусаў у XIX–XX ст. / Рышард Радзiк // Беларускі гістарычны агляд. 1995. Снежань. Т. 2, сш. 2 (9). С. 213.

этнического самосознания; сформировались представления об этнической общности белорусов, как православных, так и католиков.

Что же касается официальной позиции Русской православной церкви, то она полностью разделяла надконфессиональные воззрения на этничность белорусов, которые были характерны для государственных институтов. Эти взгляды отличались от традиционных народных представлений, подменявших этническую идентичность конфессиональной принадлежностью. Указанное противоречие сохранялось несмотря на то, что основным носителем русского самосознания в белорусской крестьянской среде было православное духовенство.

Указ о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и манифест от 17 октября 1905 г. активизировали действия церковных и общественных сил, противостоявших усиливающейся польско-католической пропаганде. Обострение идейно-религиозной борьбы с католичеством и революционной пропагандой польских и еврейских левых организаций вывело деятельность духовенства, приходов и западнорусских православных братств на новый уровень религиозной и этнической активности⁵⁶.

О переменах в общественном сознании православного населения, происходивших в процессе сопротивления растущей религиозно-этнической угрозе извне, в то время говорилось: "Православные же белорусы считают себя русскими и только русскими. Даже более: сознание своей русской национальности от столкновения с другими национальностями чувствуется белорусами живее, чем великорусами"⁵⁷.

В результате воздействия указанных факторов в сознании населения постепенно начало утверждаться имперское представление о том, что принадлежность к "русской народности" (термин, употребляемый в официальных документах) для белорусов означает этническую общность с двухуровневой самоидентификацией: "я – белорус, значит, я – русский". А учитывая конфессиональный критерий русскости, самоидентификация усложнялась ещё больше: "я – православный, значит, я – белорус и я – русский". "Белорусский народ не помнит себя иным, как только народом русским, и не знает за собой в глубине истории никакого другого имени, кроме имени русского... И потому с течением времени "русская" вера срослась у белоруса с его национально-русским сознанием"⁵⁸.

Свидетельством роста этнического самосознания белорусов стали участие в выборах русских депутатов от Северо-Западного края в Государственную думу и деятельность независимой западнорусской прессы – "Минское слово", "Белорусская жизнь", "Виленский вестник" и др. Светские идеи западнорусского возрождения 60-х гг. XIX в., сформулированные М. Кояловичем, М. Катковым, В. Гильфердингом, И. Аксаковым, приобрели к началу XX в. черты массовой идеологии⁵⁹. Её появление позволило сформулировать представления о путях достижения

⁵⁶ Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1908–1909 годы. СПб., 1911. С. 337–345.

⁵⁷ Православные белорусы // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1907. № 12. С. 256.

⁵⁸ Вера русская и вера польская // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 14. С. 313.

⁵⁹ Минское слово. 1911. 5 января.

этнической самобытности белорусов в рамках общерусского единства: "Историческая и культурная задача Белоруссии – быть достойным оплотом русской народности на Западе – может быть достигнута только тогда, когда эта страна всецело проникнется общерусскими стремлениями, усвоит всё богатство русской духовной культуры не внешним образом, а путём перевоплощения как ближайшего средства для развития собственной индивидуальности"⁶⁰.

Несмотря на усиление роли светских этнических активистов и появление национальных идеологий, усложнивших процесс формирования этнического самосознания белорусов, для массового крестьянского сознания конфессиональная принадлежность по-прежнему оставалась традиционным способом этнического самоопределения. В условиях конфессионального разделения белорусского народа, когда религиозная идентичность зачастую подменяла собой идентичность этническую, российское государство и Русская православная церковь продолжали играть ведущую роль в формировании этнических представлений о русской идентичности белорусов, как православных, так и католиков.

Ключевые слова: *этническая идентичность – модернизация – деколонизация – западнорусское возрождение – самосознание.*

Keywords: *ethnic identity – modernization – decolonization – West Russian revival – consciousness.*

⁶⁰ Белоусов Е. П. Культурно-историческое значение празднования 75-летия воссоединения западнорусских униатов (1839–1914) / Е. П. Белоусов // Вестник Виленского Свято-Духовского братства 1914. № 12. С. 268.